

ДРЕВНЕЙШАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ ИБЕРОВ И ЕЕ СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЕ СВЯЗИ

(Из истории исследования)

Письменность, возникающая на заре цивилизации, служит важнейшим показателем формирования народностей, становления классовых отношений и государственности. Изучение памятников письменности древнейших обитателей Балканского и Апеннинского полуостровов, а также островов Эгейского моря немало способствовало пониманию особенностей социального и культурного развития народов Восточного и Центрального Средиземноморья. Письменность населения Пиренейского полуострова, возникшая задолго до карфагенского и римского завоеваний, заслуживает в этой связи не меньшего внимания.

Первое знакомство с письменностью иберов относится к XVI в. и связано с изучением местного нумизматического материала. Фульвио Урсиньо в 1577 г. в своем трактате о римской генеалогии впервые обратил внимание на испанскую монету с необычной легендой на аверсе¹. Монета, найденная в районе Контербия-Карбиха, содержала четыре знака, которые были сходны с хорошо известными нумизмату греческими буквами. Урсиньо высказал предположение, что монету чеканил Афраний (легат Гнея Помпея).

Особый характер письма на монетах был более понятен другому ученому XVI в. Антонио Агустину, автору известного в свое время «Диалога о медалях»². Его работу следует рассматривать как первую попытку составления перечня знаков алфавитного письма, применявшихся на монетах Эмпория, Келсы и других греческих колоний в Иберии. Несмотря на отсутствие должных обоснований, Агустин подошел намного ближе к истине, чем исследователи более позднего времени, высказавшие фантастические предположения о руническом характере письма на монетах и их принадлежности завоевателям-вестготам³.

К середине XVII в. относится публикация коллекции Иван Де Ластаноса, содержащей 176 монет с необычными легендами⁴. В приложении были помещены статьи, в одной из которых делалась попытка интерпретации некоторых надписей на монетах, исходя из сходства с названиями греческих и римских центров: Келса, Осицерда, Сэ-табис, Сагунт. Вопреки материалам этого первого нумизматического корпуса скандинавские ученые продолжали настаивать на руническом характере письма на иберийских монетах.

Первое обстоятельное исследование о неизвестных буквах на монетах принадлежало испанскому ученому Л. Хосе Веласкесу. В своем «Очерке об алфавитах из неизвестных букв, которые встречаются на древнейших медалях и памятниках Испании» Веласкес решительно выступил против попыток приписать знакам на монетах руническое происхождение⁵. Он считал необходимым сопоставить их с алфавитом западных греков, целасгов, этрусков, древних латинян, финикийцев и пунийцев. Так сложился сравнительный метод в изучении письменности древних иберов. С его помощью Вела-

¹ F. U r s i n o, Familiae Romanae quae reperiuntur in antiquis numismatibus ab urbe condita ad tempora divi Augusti (работа известна нам по: J. C a r o B a r o j a, La escritura prerománica, в кн. Ramón M e n é n d e z P i d a l, Historia de España, I, 3, Madrid, 1954, стр. 698).

² A n t o n i o A g u s t í n, Diálogo de medallas, inscripciones y otras antigüedades, Madrid, 1744; цит. по: C a r o B a r o j a, ук. соч., стр. 698, прим. 3.

³ C a r o B a r o j a, ук. соч., стр. 681—682.

⁴ D. Vincencio I v a n d e L a s t a n o s a, Museo de las medallas desconocidas españolas, 1645; цит. по: C a r o B a r o j a, ук. соч., стр. 682; A. T o v a r, Lo que sabemos de las lenguas de la Península Ibérica, Madrid, 1969, стр. 23.

⁵ Luis José V e l á z q u e z, Ensayo sobre los alfabetos de las letras desconocidas que se encuentran en las más antiguas medallas y monumentos de España, Madrid, 1752, стр. 15.

скесу удалось установить тождество пяти иберийских знаков с пятью греческими буквами: $\text{P} = \alpha$; $\text{V} = \varepsilon$; $\text{X} = \lambda$; $\text{M} = \nu$, $\text{Z} = \sigma$ ⁶. Интересны, но спорны его

сопоставления: $\Delta = \delta$; $\Diamond = \tau$; $\angle = \kappa$; $\text{—} = \pi$ ⁷. Бесспорной заслугой Веласкеса следует считать научную систематизацию имевшегося в то время материала и выделение на ее основе трех алфавитов Пиренейского полуострова: кельтиберийского, турдетанского, бастуло-финикийского⁸. Ныне существующие деления восходят в конечном счете к его классификации.

Исследования знаков на иберийских монетах продолжались в конце XVIII в. Семитолог Франциск Перес Байер занимался интерпретацией легенд на монетах из Сэтабиса и Билбилиса. XIX век, который стал переломным в дешифровке ряда древних таинственных систем письма, не разрешил иберийской загадки, хотя она привлекала внимание таких авторитетов, как Д. Сестини, Л. Ф. де Салчи, К. Л. Гротефенд, Ш. Ленорман. Сестини первым предположил, что один и тот же знак в памятниках из разных местностей имел различное значение. Это дало толчок к тому произвольному толкованию иберийских текстов, которое можно сравнить с этрусскерией первой половины XIX в. Сам Сестини «прочитал» на нескольких монетах названия городов той части полуострова, где никогда не чеканились монеты! К. Л. Гротефенду (1807—1874) удалось, как полагают, верно установить тождество двух знаков: $\uparrow = \upsilon$; $\Diamond \text{ } \text{O} = \rho$ ⁹.

Решительным сторонником доктрины «баско-иберизма», получившей распространение в XVIII в., был французский ученый П. Будар¹⁰. Подобно другим приверженцам этимологического метода, Будар при толковании древних иберийских текстов пользовался в качестве фонетического ключа языками современных басков и даже обитателей Гаскони (которые никогда не считались родственными). Он установил, как ему казалось, значение 27 знаков¹¹.

Наиболее дальновидным систематизатором материала был Антонио Дельгадо¹². Он исходил из идеи, что монетные алфавиты как Ближней, так и Дальней Испании были заимствованы из финикийского. Игнорируя морфологический принцип, Дельгадо составил таблицу знаковых тождеств. Были установлены некоторые соответствия слов, встречающихся на монетах, с географическими пунктами, упоминаемыми Страбоном, Плинием Старшим, Птолемеем. Дельгадо первым обратил внимание на наличие в иберийском алфавите слоговых знаков, но не смог объяснить их значения и происхождения. Алфавит Дельгадо наряду с двадцатью согласными включал и гласные:

$A = \text{A} \ \Delta \ \triangleright \ \text{P} \ \text{D}$; $E = \text{V} \ \text{K} \ \wedge \ \text{V} \ \neq \ \text{Z}$; $I = \text{M}$; $O = \text{O} \ \Diamond \ \text{O} \ \text{O} \ \square$

Исследования Дельгадо продолжил его ученик Хакобо Собель де Сангронис¹³, который поддерживал тесные отношения с Т. Моммзеном, Э. Хюбнером и другими известными эпиграфистами. Сангронис впервые занялся классификацией иберийских монет. В ее основу он положил географический и хронологический принципы. Сан-

⁶ Там же, стр. 16—39.

⁷ Там же, стр. 39—83.

⁸ Там же, см. соответственно стр. 43—60, 61—72, 73.

⁹ См. *Caro Baroja*, ук. соч., стр. 687.

¹⁰ *P. A. Boudart, Etudes sur l'alphabet iberien et sur quelles monnaies autonomes de l'Espagne*, P., 1852; он же, *Essai sur la numismatique iberienne procede de recherches sur l'alphabet et la langue des Iberes*, P., 1859. Теория «баско-иберизма» очень четко была сформулирована Хуаном Баутиста. См. *J. Bautista, Alfabeto de la lengua primitiva de España*, Madrid, 1806, цит. по *Caro Baroja*, ук. соч., стр. 700, прим. 37. Работа тотчас же была переведена на многие языки, хотя в самой Испании широкого распространения не получила.

¹¹ *Caro Baroja*, ук. соч., стр. 688.

¹² *A. Delgado, Nuevo método de clasificación de las medallas autónomas de España*, Sevilla, vol. 1—3, 1871—1879.

¹³ *J. Zobel de Zangróniz, Estudio histórico de la moneda antigua española desde su origen hasta el Imperio Romano*, I, Madrid, 1878.

гронису удалось выяснить слоговой характер следующих знаков: $\Delta \Delta$ — ka; $\epsilon \epsilon \zeta \zeta \epsilon$ = ke; Σ (в Андалузии ζ) = xe; $\Delta \wedge \Delta$ = du, а знаки

$\Delta \uparrow \uparrow \uparrow \uparrow \uparrow \uparrow \uparrow \uparrow$ были безоговорочно признаны им звуковыми — а, е, о, и, г, l, n, m, s¹⁴. Определение их значения позволило исследователю выдвинуть предположение, что на некоторых монетах зоны греческой колонизации употребляются такие окончания или суффиксы, как: -sken, -ken, -ian, -kon и др.¹⁵

Трудами Сангрониса заканчивается период в изучении письменности древнейшего населения полуострова, характеризующийся собиранием эпиграфического материала и первыми попытками его систематизации. Следующий период — с последней трети XIX в. — принес расширение научного материала в результате начавшихся эпизодических раскопок. Появляется возможность издания свода иберских надписей, подобного своду этрусских надписей, изданных к тому времени Фабретти¹⁶. Эту задачу выполнил Э. Хюбнер, выпустивший первое собрание иберийских надписей¹⁷. Оно включает 72 легенды на монетах и еще 191 эпиграфический памятник — все они кратки, фрагментарны, носят надгробный или посвященный характер. Кроме того, Э. Хюбнер знакомит читателя с историей иберологии, широко используя материалы Д. Хосе Веласкеса, доведенные до XVIII в. В приложении имеются лексический справочник, перечень имен туземных богов, мужских и женских имен.

Сам Хюбнер был решительным сторонником баско-иберизма. В своем детальном, но мало оригинальном анализе знаков на монетах и других памятниках Ближней и Дальней Испании он в основном следует за Дельгадо, исходя из его гипотезы о финикийском происхождении знаков иберийского письма. В составленной Э. Хюбнером таблице иберийских знаков они разделяются на гласные и согласные: придыхательные, свистящие, губные, зубные и гуттуральные. Для некоторых знаков отмечено несколько вариантов, для других (известных благодаря античной традиции) не найдено ни одной графемы.

Интерпретацией — лингвистической, грамматической и морфологической — опубликованного Хюбнером материала занимались Г. Шухардт (такой же ярый сторонник баско-иберизма, как Дельгадо и сам Хюбнер) и И. Филиппон¹⁸. Последний еще до Шухардта говорил о возможности реконструкции древнего иберийского склонения.

Дальнейший прогресс в изучении иберийского письма связан с находками иностранных надписей, содержащих последовательные ряды знаков, более похожих на знаки на монетах, чем на классические финикийские. Публикация и объяснение новых текстов — заслуга известного испанского археолога и эпиграфиста Мануэля Гомес-Морено. В 1922 г. вышло его исследование «Об иберийской эпиграфике»¹⁹. Автором

¹⁴ Zobel de Zangróniz, стр. 179 сл.

¹⁵ Там же, стр. 188—193.

¹⁶ A. Fabretti, *Corpus inscriptionum Italicarum*, Torino, 1867. См. также A. Fabretti, *Supplementi al Corpus inscriptionum Italicarum*, I—III, Torino — Firenze — Roma, 1872—1878; G. Gamurrini, *Appendice al Corpus inscriptionum Italicarum*, Firenze, 1880.

¹⁷ E. Hübner, *Monumenta linguae Ibericae*, В., 1893 (далее — MLI). Здесь собраны все надписи на иберийском языке, открытые до 1893 г. Э. Хюбнер сумел показать, что письмо иберов родственно финикийскому, но ясным можно считать только отдельные слова: некоторые термины по горному делу и географические названия, главным образом, иберийских городов.

¹⁸ Указанные авторы находились под сильным влиянием исследования Пауля Кречмера, который постулировал специфичность малоазиатских языков, считая, что они не могут быть отнесены ни к семитским, ни к индоевропейским. Так он пришел к выводу о доиндоевропейском субстрате в греческом языке. P. Kretschmer, *Einleitung in die Geschichte des Griechischen Sprache*, Göttingen, 1896. Шухардт и Филиппон пытались перенести это положение Кречмера на иберийский язык. См. H. Schuchardt, *Die Iberische Deklination*, «Sitzungsber. der Akad. der Wiss. in Wien», CLVII, 2, 1907; I. Philippson, *Les Iberes*, P., 1909.

¹⁹ Góme z - Moreno, *De epigrafia española: el plomo de Alcoy*, «Revista de Filología Española», IX, Madrid, 1922.

составлен алфавит, состоящий из 27 знаков, что на пять знаков больше, чем в финикийском алфавите, и на четыре, — чем в греческом. Это, по мнению Морено, объясняется наличием в иберийском алфавите 15 слоговых знаков, отсутствующих в финикийских и греческих алфавитах. Автор предложил собственную систему чтения иберийских писем, не сопроводив ее, однако, убедительной аргументацией. Свою трактовку знаков иберийского письма Гомес-Морено развивал и в другом исследовании «Об иберах и их языке»²⁰.

В исследовании «Иберийская письменность», появившемся в 1943 г., Морено дал новую классификацию иберийского письма, разделяя его на собственно иберийское и тартессийское²¹. Он полагал, что иберийское письмо северо-востока Пиренейского полуострова восходит к тартессийскому письму юга, которое, в свою очередь, ведет родословную непосредственно от восточносредиземноморских систем²². Это положение, однако, не подкреплялось солидными археологическими доказательствами. Оставалась открытой в исследовании Морено и проблема хронологии иберийского письма. Последователи Морено дополнили его алфавит несколькими новыми вариантами знаков и пытались использовать его для самых невероятных чтений текстов²³.

Последнему периоду в изучении иберийского письма свойствен ряд методологических просчетов. Начиная с Х. Веласкеса и вплоть до Х. Хюбнера исследователи использовали только сравнительный метод. Благодаря М. Гомес-Морено в исследовании иберийской письменности стал применяться комбинаторный метод, хотя по-прежнему встречаются и приемы сравнительного²⁴.

К настоящему времени иберийская эпиграфика на неклассических языках представлена более чем 400 надписями, в большинстве легендами на монетах. Крупных надписей сравнительно немного. Первое место среди них занимает свинцовая табличка из Алкой (пров. Аликанте) (рис. 1), найденная в 1921 г.²⁵ Размеры таблички 171 × 62 × 1 мм. На стороне А различаются девять строк: семь продольных и две попе-

²⁰ M. G ó m e z - M o r e n o, Sobre los iberos y su lengua, «Homenaje ofrecido a Ramón Menéndez Pidal», III, Madrid, 1925, стр. 473—499.

²¹ M. G ó m e z - M o r e n o, La escritura ibérica, «Boletín de la Real Academia de Historia», CXII, 1943, стр. 271.

²² Там же, стр. 277. Из других работ М. Гомес-Морено упомянем: Las lenguas hispánicas, Madrid, 1942; Digresiones ibéricas: escritura, «Boletín de la Real Academia Española», XXIV, Madrid, 1945; La escritura ibérica y su lenguaje. Suplemento de epigrafía ibérica, Madrid, 1948 (содержит более ста памятников, найденных после выхода MLI; вошло также в кн. M. G ó m e z - M o r e n o, Miscelaneas. Historia. Arte. Arqueología. Madrid, 1949, стр. 257—330). Ряд работ М. Гомес-Морено посвящен иберийской нумизматике: см., в частности, его Notas sobre numismática ibérica, «Homenaje a José Mérida», Madrid, 1934, стр. 173—191, где автор изучает монеты, считавшиеся фальшивыми (ср. A. V i v e s, La moneda hispánica, Madrid, 1928). Последняя известная нам работа М. Гомес-Морено об иберийской письменности: La escritura bastulo-turdetana (primitiva hispánica), «Revista de Archivos, Bibliotecas y Museos», LXIX, Madrid, 1961, стр. 882—953, карта, 19 табл. Рецензент (Х. Ос) отмечает ценность этого исследования, которое, по его мнению, заполняет лакуну, существовавшую более 20 лет в изучении иберийских письменностей и существенно меняет общую панораму ее развития. Кроме того, в работе дана полная публикация эпиграфических памятников юга Пиренейского полуострова (см. J. H o z, Sobre la primitiva escritura hispánica, AEAq, 35, 1962, стр. 190—195).

²³ См. G. H i l l, Notes on the Ancient Coinage of Hispania Citerior, N. Y., 1931; J. F e r r a n d i s, Les monnaies hispaniques, Barcelona, 1929; Пино Белтран опубликовал таблицу знаков тартессийского алфавита с перечислением их интерпретаторов. См. C a r o B a r o j a, ук. соч., стр. 694; «Historia de España», под ред. L. Pericot y García, I, Madrid, 1957, стр. 415.

²⁴ О результатах исследований иберийской письменности см. J. M a l u q u e r d e M o t e s, Epigrafía prelatina de la Península Ibérica, Barcelona, 1968; T o v a r, Lo que sabemos acerca de los idiomas de la Península Ibérica. С первой мы знакомы по рецензии: J. H o z, Acerca de la historia de la escritura prelatina en Hispania, AEAq, 42, 1969. Вторая любезно прислана нам автором уже после написания данного обзора.

²⁵ C. V i s e d o y M o l t r o, Excavaciones en el monte «La Serreta» próximo a Alcoy (Alicante), Madrid, 1922 («Memorias 45 de la Junta Superior de Excavaciones Científicas», стр. 10—13, табл. XI. См. также C a r o B a r o j a, ук. соч., стр. 750, рис. 52. Библиографию см. H. J e n s e n, Die Schrift, B., 1969, стр. 282, прим. 128.

речные; на стороне *B* сохранилось пять строк. Высота букв колеблется от 5 до 10 см. Слова отделены друг от друга двумя или тремя точками, расположенными по вертикали, что находит аналогию с этрусскими надписями соответствующего периода. Чтение таблички не представляет серьезных трудностей, несмотря на ее плохую сохранность. Иберийский текст надписи содержит 342 знака, он написан архаическим понийским алфавитом, который можно датировать V в. до н. э. Благодаря имеющемуся словоделению можно различить около 50 слов. Подобная этой (но со значительно меньшим

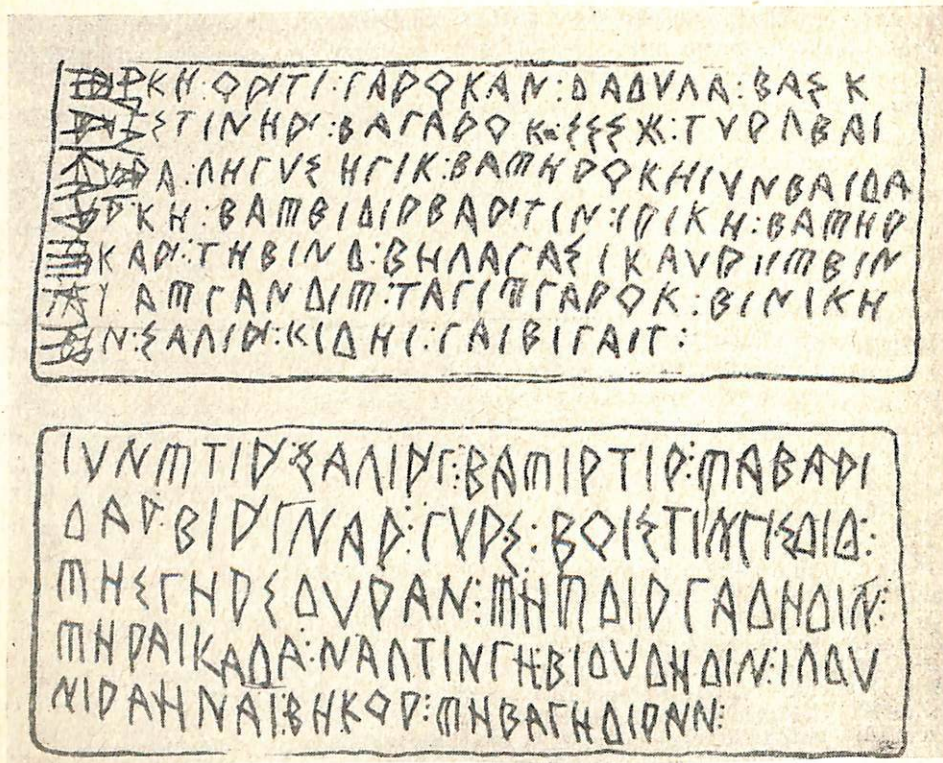

Рис. 1. Свинцовая табличка из Алкой (по J. Maluquer de Motes, *Epigrafía prelatina de la Península Ibérica*, табл. XIV)

количеством знаков) табличка найдена в том же поселении в 1950 г. В Бастида (провинция Валенсия) найдена в 1928 г. свинцовая табличка с 273 знаками²⁶. Большой интерес представляет свинцовая табличка из Пухон де Кастеллон²⁷, найденная в конце прошлого столетия, хранящаяся ныне в Национальном Археологическом музее Мадрида и содержащая 153 знака типа монетных. Первая попытка ее прочтения принадлежит Э. Хюбнеру, считавшему надпись проклятием врагам умершего, в могиле которого она была найдена. Впоследствии ее прочтением занимался Жюльен Винсон, вынужденный в конце концов признать все свои толкования ошибочными²⁸.

Не меньший интерес представляют в настоящее время надписи на керамике (вероятно, III—I вв. до н. э.) из Сан Мигель де Лирия (пров. Валенсия)²⁹. Керамика

²⁶ См. A. García y Bellido, *La península Ibérica en los comienzos de su historia*, Madrid, 1957, стр. 75.

²⁷ MLI, XXII, стр. 155—156; см. также Саго Вагоја, ук. соч., стр. 754, рис. 55 (a, b).

²⁸ См. Саго Вагоја, ук. соч., стр. 751.

²⁹ Керамика обнаружена во время раскопок 1935—1939 гг., проводившихся под руководством И. Баллестер-и-Тормо. См. I. Ballesster y Tormo, *Diputación provincial de Valencia. La labor del servicio de Investigación prehistórica y su Museo en los años 1935 a 1939*, Valencia, 1942, стр. 134—162.

украшена различными сценами, дающими материал для решения ряда проблем этнологического и археологического характера. Изучением надписей занимается Пио Белтран.

подавляющее большинство надписей датируется III—I вв. до н. э., т. е. периодом упадка иберийской культуры и потери иберами самостоятельности. Находки эпиграфических памятников с 1893 г. были систематизированы Гомесом-Морено в 1949 г.³⁰ Регулярные публикации надписей последних лет даются в «Hispania Antiqua Epigraphica»³¹.

Следуя за Э. Хюбнером, современные испанские исследователи подразделяют материал надписей на собственно эпиграфические памятники и монетные легенды³². Первые считаются наиболее сложными для интерпретации. Сказывается отсутствие билингвы. Гораздо большие возможности для интерпретации собственно иберийского письма дают надписи на монетах, так как:

1. Некоторые испанские монеты имеют надписи латинскими буквами на аверсе и иберийскими знаками на реверсе;
2. Легенды на монетах в большинстве своем содержат названия городов;
3. Использование при чтении надписей на иберийских монетах аналогий с латинским и греческим алфавитами дало положительные результаты для определения значения некоторых знаков;

4. На основе полученных таким образом обозначений обнаруживаются и другие знаки, очень сходные с буквами греческого и латинского алфавитов³³.

Тем не менее система письма иберов остается во многом неясной. Это объясняется, в первую очередь, скудостью материала. Как уже было отмечено, подавляющее большинство надписей на этом языке невелико по объему и носит надгробный или посвященный характер. Значительный интерес для изучения лексики представили бы глоссы, однако ни одной глоссы в греческой или латинской передаче до нас не дошло, в то время как для этрусского языка их сохранилось более шести десятков.

Ключом к дешифровке многих систем письма были билингвы. Однако билингвы, встречающиеся на иберийских монетах, относятся лишь к именам собственным. Это позволяет установить чтение отдельных знаков, но не продвигает понимание текстов. Разрешению проблем иберийской письменности и языка особенно препятствует то, что ученые не смогли прийти к единому мнению об этнической принадлежности иберов.

Таким образом, основную возможность для интерпретации иберийского языка может дать толкование самих иберийских надписей. Именно поэтому при интерпретации иберийского языка необходимо применение в первую очередь комбинаторного метода, связанного с попыткой выплунуть в смысл текста исходя из анализа самого текста.

Очень интересно территориальное распределение надписей. Преобладающее большинство их найдено на острове Ивиссе (группа Балеарских островов), в Каталонии, в юго-восточной части полуострова (области Мурсия, Аликанте, Валенсия) и на плоскогорье. Очень солидный материал представляют надписи на монетах древней Турдегорье. Очень интересный материал представляют надписи на монетах древней Турдегории (современная Андалузия), центра высокоразвитой эль-аргарской культуры. В районе Альгарве (Южная Португалия) найдено 28 надгробий из красноватого песчаника с надписями тартессийским алфавитом³⁴. Некоторые эпиграфические памят-

³⁰ См. выше, прим. 22.

³¹ Ежегодное дополнение к AEAq, выходящее с 1950 г. при Институте археологии и истории Rodrigo Caro, редактируется Антонио Белтраном.

³² H ü b n e r, MLI, стр. 31—57; G ó m e z - M o r e n o, Miscelaneas..., стр. 201—203.

³³ О результатах более чем двухсотлетних исследований древнейшего иберийского монетного письма см. J e n s e n, Die Schrift, стр. 150—153. Мы в своей работе будем опираться на данные собственно эпиграфических памятников.

³⁴ G ó m e z - M o r e n o, La escritura bastulo-turdetana..., стр. 886.

ники, выполненные древнейшим иберийским письмом, обнаружены в Сардинии³⁵ и даже в Сицилии³⁶. В Северо-Западной Испании эпиграфический материал полностью отсутствует. Весьма вероятно, что до романизации эта область Испании не имела своей

Рис. 2. Надпись на погребальной
стеле из некрополя Санта Перпетуа
де ла Могуда (обл. Барселоны).
Археологический музей Барселоны

письменности³⁷. Сама география надписей свидетельствует о том, что древнейший на полуострове очаг цивилизации находился на средиземноморском побережье, с давних времен посещавшемся мореплавателями с Востока. Нет сомнений, что именно на юге полуострова зародилась первая в истории древней Иберии система письма. Об этом свидетельствует как античная традиция, так и ряд памятников археологии³⁸. Надписи, выполненные ионийским письмом и относящиеся к IV в. до н. э., образуют незначительную, но отдельную группу.

Надписи ионийской, а также восточной группы в настоящее время читаются, но смысл их неясен. Этого, однако, нельзя сказать о южной группе, надписи которой пока что читаются в очень незначительной степени.

Далее речь пойдет именно о южной группе надписей и о накопленном исследователями (в основном испанскими) материале для решения связанных с этими надписями проблем. Восточная группа, представленная рядом интересных памятников (см. рис. 2), остается за пределами нашего обзора.

В настоящее время нет еще даже общепринятого названия данного письма. Из встречающихся обозначений — тартессийское, турдетанское, южное — наиболее точным, вероятно, следует считать определение письма этой территории как тартессийского. Против обозначения его как турдетанского решительно выступает А. Шультен на том основании, что коренное население Тартессиды — турдетаны — якобы не могло достигнуть той ступени цивилизации, на которой появляется письменность. А так как она была принесена выходцами из Малой Азии — тартессиями, то и опреде-

³⁵ A. García y Bellido, Los iberos en Cerdeña, «Emerita», III, 1935, стр. 251 сл.

³⁶ A. García y Bellido, Los iberos en Sicilia, «Emerita», VII, 1940, стр. 23.

³⁷ Если не принимать всерьез каменные пластинки из мегалитических могил Альвао, которые уже в 20-годах XX в. рассматривались как фальшивые. См. W i l k e, Südwesteuropäische Megalithkultur, 1912 — нам недоступно, цит. по M. E b e r t, Reallexikon der Vorgeschichte, XI, B., 1928, стр. 364 (s. v. Schrift, § 1); см. также J e n s e n, Die Schrift, стр. 285.

³⁸ S t r a b o, Geogr. III, 1, 6; J. M a l u q u e r d e M o t e s, El tesoro tartésico de El Carambolo, «Sevilla. I Congreso Nacional de Arqueología. Actas y Memorias», Lisboa, 1959, стр. 293—300; «Tartessos y sus problemas. V Symposium Internacional de Prehistoria Peninsular», Barcelona, 1969 (см., в частности, статьи: A. M. M u ñ o z, La civilización pretartésica andaluza durante la Edad del Bronce, стр. 33—47; G. S c h ü l e, Tartessos y el Hinterland, стр. 15—33; J. de M. C a r r i a z o, El cerro del Carambolo, стр. 311—341 и др.).

лять ее следует как тартессийскую³⁹. А. Товар⁴⁰, так же как и М. Гомес-Морено⁴¹, находит возможным называть это письмо тартессийским, считая тартессиев этнически родственными пберам. Х. Каро Бароха, следуя за Страбоном, определяет его как турдетанское⁴² (этого исследователя вообще отличает великолепное знание античной традиции, данным которой он отдаст предпочтение среди прочих видов источников). Турдетанским называет его и известный немецкий исследователь Г. Йенсен⁴³. А. Гарсия-и-Бельидо делит письмо Пиренейского полуострова на южное и восточное⁴⁴.

Определение этнической принадлежности пберов и тартессиев немало способствовало бы решению проблемы происхождения тартессийского письма. В настоящее время в данном вопросе сталкиваются три точки зрения. Традиционная гипотеза о финикийском происхождении тартессийского письма, выдвинутая Э. Хюбнером⁴⁵, поддерживается на протяжении более чем 40 лет М. Гомес-Морено. Так, в своем последнем исследовании он утверждает, что тартессийское письмо настолько финикийское в своей основе, что сохранило частично его первоначальный силлабрий.

Но финикийский алфавит сократил впоследствии количество знаков до 22, абсолютно исключив силлабемы, в то время как тартессийский, возможно под влиянием какого-нибудь языка неиндоевропейского происхождения, содержит 15 силлабем. Эта склонность к силлабизму может быть объяснена полным отсутствием контакта взрывного с плавным г, l: tra, bla, gra и т. д., что составляет характерную черту всех примитивных языков Пиренейского полуострова, включая баскский. Известно, что та же закономерность свойственна семитским языкам. Эволюция системы письма выразилась в раздельном обозначении плавных г, l в гласных в положении между ними. Что касается взрывных, то здесь тартессийское письмо осталось верным кипрско-критской слоговой системе, о чем свидетельствует отсутствие различий между звонким и глухим в силлабемах⁴⁶.

До недавнего времени считалось, что половина знаков тартессийского алфавита обнаруживает явное сходство в графике, фонетике и значении с соответствующими финикийскими, и знак $\neq$ в нем означает еще финикийский š (*самех*). Восемь знаков представляют значительные отклонения. Кроме того, не вызывал сомнения факт серьезного влияния на тартессийское письмо архаических греческих систем письма⁴⁷. В частности, тартессийский алфавит имеет пять гласных (o/u), что отличает его от консонантно-звукового письма финикийцев и, напротив, очень сближает с западногреческими вокализированно-звуковыми системами. Примитивность же графической формы тартессийских гласных позволяет сопоставлять их с самыми архаическими западногреческими алфавитами, что может свидетельствовать о глубокой древности тартессийского алфавита.

³⁹ А. Ш у л ь т е н, Тирсены в Испании, ВДИ, 1941, № 2, стр. 9.

⁴⁰ А. Т о в а р, Sobre supervivencias del silabismo minoico en ibérico y otros alfabetos, «Minos», I, Salamanca, 1951, стр. 61—70; он же, Sobre la fecha del alfabeto ibérico, «Zephyrus», II, Salamanca, 1951, стр. 96—98.

⁴¹ G ó m e z - M o r e n o, La escritura ibérica, стр. 277.

⁴² C a r o B a r o j a, ук. соч., cap. IX: Numismatica turdetana: el problema de la escritura del Sur, стр. 769.

⁴³ J e n s e n, Die Schrift, стр. 150.

⁴⁴ G a r c í a y B e l l i d o, La península Ibérica..., стр. 75; он же, La latinización de España, AEArc, 40, 1967, стр. 6.

⁴⁵ H ü b n e r, MLI, стр. LIX. В вопросе происхождения и эволюции финикийского письма мы придерживаемся точки зрения, известной нам по работе И. М. Дьяконова «Языки древней Передней Азии» (М., 1967, стр. 362—369). Она была высказана И. Гельбом еще в начале 50-х годов (см. I. J. G e l b, A. Study of Writing, L., 1952).

⁴⁶ G ó m e z - M o r e n o, La escritura ibérica, стр. 254, он же, La escritura bastulo-turdetana, стр. 889. Подобная точка зрения была высказана Г. Бером (G. Bähr) — см. Т о в а р, Sobre supervivencias del silabismo minoico..., стр. 64; он же, Sobre la fecha del alfabeto ibérico, стр. 97—101; J. M a l u q u e r d e M o t e z, Epigrafía prelatina de la Península Ibérica, Barcelona, 1968, стр. 16—18.

⁴⁷ См., в частности, G a r c í a y B e l l i d o, La península Ibérica..., стр. 76; Н о z, Sobre la primitiva escritura hispánica, стр. 192.

М. Гомес-Морено, не отрицая этого влияния «эллинского», как он его называет, вокализма⁴⁸, основное внимание уделяет происхождению согласных тартессийского алфавита⁴⁹. По его мнению, шесть знаков финикийского, архаического греческого и тартессийского: Γ Δ Λ Δ Δ Φ — абсолютно совпадают по своей графической форме и в какой-то степени в фонетическом значении. Различие состоит в том, что в первых двух системах это согласные p, t, d, g, k, q, а в тартессийском они представляют сллабемы bi, ta, tu, sa, ke, su. Однако тождество начальных согласных сллабем соответствующим финикийским и греческим, на его взгляд, несомненно.

Генезис четырех знаков: Γ Δ Δ Δ (ba, bu, gui, so) неизвестен. М. Гомес-Морено не исключает здесь возможности критского влияния⁵⁰.

Полную загадку представляют четыре знака: Υ или χ ; $\boxtimes$, η или θ , ϵ , или ψ . М. Гомес-Морено предполагает, что они означают соответственно be, bo, ti, to⁵¹.

Эта традиционная в испанской историографии точка зрения имеет мало общего с распространенной в 30-е годы XX в. гипотезой А. Шультена о малоазийском характере тартессийского письма. В результате многочисленных попыток интерпретировать язык южнолузитанских и андалузских надгробных надписей А. Шультен приходил к следующим выводам:

1. Письмо юга Пиренейского полуострова не финикийское, так как имеет в отличие от него гласную u, и не архаическое греческое ввиду отсутствия в нем букв: ф, х, ф, ω, добавленных греками. Тартессийское письмо имеет несколько других знаков и букв восточного характера.

2. Буква или знак $\boxtimes$ встречается как в южноиберийском, или тартессийском, письме, так и в этруском.

3. Имена собственные в надписях юга Пиренейского полуострова и Этрурии имеют несомненное сходство. Кроме того, в иберийских надписях нередко встречается этрусский генетив на -isa.

4. В различных надписях Португалии встречается слово *zagonah* или *zagonah*, которое А. Шультен переводит как погребальную формулу: *Hic situs est* и отождествляет со словом *zagonai*, трижды повторяющимся на известной лемносской табличке, надпись которой выполнена этруским алфавитом. А так как это слово в самой Этрурии не встречается, то Шультен заключает, что тирсены прибыли на Пиренейский полуостров непосредственно из Малой Азии⁵².

Эти лингвистические изыскания и основной вывод А. Шультена выглядели бы совсем бездоказательными, если бы автор не учитывал вполне вероятную возможность этнического родства тартессиев и тирсенов, что подтверждается восточной и греческой традицией, а также археологическими данными⁵³.

⁴⁸ Впрочем, этот исследователь более склонен считать, что тартессийские гласные выделились из сллабем (*G ó m e z - M o r e n o*, *La escritura bastulo-turdetana*, стр. 948).

⁴⁹ Там же, стр. 890—946.

⁵⁰ Там же, стр. 921.

⁵¹ Там же, стр. 946.

⁵² Шультен, ук. соч., стр. 11—43.

⁵³ См. выше, прим. 38. В данных работах А. Шультен говорил о некотором сходстве тартессийского письма с североафриканскими системами, но не с финикийской. См. *Numantia*, I, 1914, стр. 39—44. Эту точку зрения А. Шультена поддерживали известные исследователи и в первую очередь Пауль Кречмер (см. *P. K r e t s c h m e r*, *Die tyrgenischen Inschriften der Stele von Lemnos*, XXIX, 1941, стр. 89—98). Повод для нее могла дать гипотеза о ливийско-хамитическом происхождении иберов, единственными потомками которых остались будто бы баски. Согласно этому мнению, иберы могли принести с собой из Северной Африки как язык, так и систему письма. Подобная мысль, правда весьма осторожно, высказана одним из крупнейших испанских исследователей античности А. Гарсиа-и-Бельидо при описании таблички из Alcoy (см. *G a r c í a y B e l l i d o*, *La península Ibérica...*, стр. 72).

Надгробные надписи, интерпретацией которых занимался А. Шультен, действительно обнаруживают определенное сходство с леонесской, хотя возможно, что с разрешением проблемы словоделения тартессийского письма эта гипотеза отпадет. Современный уровень знаний позволяет, на наш взгляд, говорить просто о восточном характере тартессийского письма. Именно этой точки зрения придерживается Х. Каро Бароха⁵⁴. Этот исследователь допускает существование довольно тесных взаимоотношений населения юга Пиренейского полуострова с Восточным Средиземноморьем в течение эпохи бронзы. Подобную мысль мы находим и у Х. Мартинес Санта Олалья⁵⁵. Эль-аргарская культура второго периода эпохи бронзы на Пиренейском полуострове (1500—1200 гг. до н. э.) изобилует столь явными параллелями с Критом, что ее открыватель Луи Сире⁵⁶, еще до раскопок А. Эванса, соотнес ее с минойскими цивилизациями. Таким образом, данные археологии также говорят о том, что еще до появления финикийских колонизаторов на Пиренейском полуострове его южное побережье было настолько известно древнейшим обитателям греческих островов, что именно этим объясняется слоговой характер многих знаков тартессийского алфавита.

Если считать эту гипотезу верной, то остается загадочным вопрос, как видоизменилась система письма, появившаяся на юге полуострова во второй половине II тыс., и как она смогла просуществовать в таком виде вплоть до начала нашей эры, в то время как столица тартессев-турдетанов — Тартесс — была уничтожена в 500 г. до н. э.

В связи с этим обращает на себя внимание точка зрения М. Гомес-Морено, исходившего ранее только из финикийского происхождения тартессийского письма. В своей последней работе он предполагает, что ключ к дешифровке тартессийского письма следует искать в Эгиде, откуда оно могло быть привезено в конце микенской эпохи. Местный же характер отдельных знаков дает основание для предположения о самостоятельном пути развития тартессийского письма, отличном от семитских и индоевропейских систем⁵⁷.

С проблемой происхождения тартессийского письма тесно связана проблема его хронологии. При отсутствии сколько-нибудь удовлетворительного понимания самих текстов исследователям приходится опираться на характер письма. Так, два каменных надгробия из Альгарве сохранили надписи, выполненные по спирали⁵⁸.

⁵⁴ Caro Baroja, ук. соч., стр. 696.

⁵⁵ J. Martínez Santa y Olalla, Esquema paleontológico del península hispánica, I, Madrid, 1941, стр. 152—153.

⁵⁶ Henri et Louis Siret, Les premiers âges du metal dans le Sud-Est de l'Espagne, Ambers, 1887, стр. 256—266.

⁵⁷ Gómez-Moreno, La escritura bastulo-turdetana, стр. 948. В этом исследовании автор не отказывается от мысли о буквенно-слоговом характере письма. Его поддерживает Х. Каро Бароха, который считает, что тартессии, чей алфавит был значительно меньше и проще кипрского силлабария, не смогли довести его до простоты финикийского и греческого. Это требовало умения отделять согласную от гласной; тартессиям же оказалось недоступно аналитическое совершенство финикийцев и греков (см. Caro Baroja, ук. соч., стр. 698). Как местное творение, возникшее в период торговых путешествий финикийцев на Пиренейский полуостров, рассматривал тартессийское письмо Х. Малуке де Мотес (см. J. Maluquer de Motes, Nuevas orientaciones en el problema de Tartessos, «I Symposium de Prehistoria de la Península Ibérica», Pamplona, 1960, стр. 288; он же, Epigrafía prelatina de la Península Ibérica, стр. 13—15). Он допускал возможность использования в нем значительного числа финикийских знаков, а наличие знаков эгейских систем письма объяснял тем, что финикийцы издавна имели фактории на Крите и в других частях Эгиды (см. В. А. Истрин, Развитие письма, М., 1961, стр. 137—139). Э. Перуцци, склонный к подобному выводу, осторожно замечает, что если принимать в расчет не генеалогические отношения между минойским и тартессийским письмом, а просто фонетическое значение знаков, то сходство между ними окажется чисто формальным (см. E. Peruzzi, Aportaciones a la interpretación de los textos minoicos, «Mines», Salamanca, 1951, t. I, fas. 3).

⁵⁸ I. Надгробие из Алькала дель Рио, найденное в 1763 г., содержит следующую надпись:

IK] ⌘ Δ Η Α Γ Α Ν Ο Δ Ν ↑ Ν Η ⌘ 3 Α Ν ⌘ Ρ ⌘ Α ⌘ Θ Χ Α Ρ Α
Κ Ο Ν Φ Ν Ρ Α ⌘ Α Λ Α Μ Ο Χ Α Ν Α ⌘ ⌘ ⌘ Χ Θ ⌘ Γ Α Ρ Ν

они принесли с собой развитые уже в той или иной степени культуру и письмо. Однако все малоазиатские системы письма, известные в настоящее время науке как буквенно-звуковые, возникли не ранее рубежа II—I тыс. до н. э.⁶⁷, в то время как в Финикии и Библие письмо (слоговое) существовало еще в начале II тыс. Однако регулярные плаванья финикийцев в Западное Средиземноморье начались только с конца IX в. до н. э., хотя одиночные, разведывательные экспедиции относятся учеными к XII в. до н. э.⁶⁸ Поэтому, несмотря на то что отдельные эпиграфические памятники малоазиатского происхождения, а именно: антеннообразные мечи с надписями, которые могли быть доставлены в Тартесс финикийскими купцами-мореходами, позволяют отодвинуть хронологические рамки тартессийского письма к XII в. до н. э., наиболее реальной датой являются все же, на наш взгляд, IX—VIII вв. до н. э.

Вначале письмо возникает, возможно, как консонантно-звуковое, по типу финикийского и малоазиатских. Но надписи более позднего периода (IV, особенно III—I вв. до н. э.)⁶⁹ свидетельствуют о его вокализированном характере. Исходя из античной традиции, можно допустить, что появлением в тартессийском письме вокализма тартессии обязаны грекам⁷⁰. Это положение подтверждается также графической формой и совпадением значения гласных тартессийского алфавита с соответствующими им греческими, о чем сказано выше.

Однако в испанской науке в настоящее время распространено положение о буквенно-слоговом характере тартессийского письма, хотя «силлабическая» мода фактически сошла на нет уже к середине 40-х годов⁷¹. При подсчете различных видов — возможно локальных — тартессийского письма мы обнаруживаем, что их число не превышает 30. Так, в алфавите, представленном М. Гомес-Морено в 1922 г., содержались 21 идентифицированный инвариант и 8 неидентифицированных⁷². В 1942 г. М. Гомес-Морено пополнил этот алфавит, насколько нам известно, еще шестью инвариантами, доведя их общее количество до 27⁷³. В настоящее время его алфавит состоит из 26 инвариантов⁷⁴. Кроме того, подсчет знаков самой длинной из иберийских надписей, найденных на территории Тартессиды⁷⁵, говорит о том, что на 342 знака, сохранившихся в ней, приходится всего 28 разных. Таким образом, даже простой подсчет инвариантов тартессийского письма говорит о его буквенном характере. Если бы наше предположение о буквенно-звуковом характере тартессийского письма оказалось верным, то было бы естественно допустить, что каждый из 27 знаков-инвариантов обозначал отдельный звук речи. Тогда название букв определялось бы по акрофоническому принципу⁷⁶. Однако пока мы можем только отметить, что, к сожалению, названия тартессийских букв до нас не дошли. Насколько можно судить по имеющемуся в нашем

⁶⁷ И. Фридрих, Дешифровка забытых письменностей и языков, М., 1961, стр. 113—122; Jensen, Die Schrift, стр. 461.

⁶⁸ P. Bosch-Gimpera, La formación de los pueblos de España, México, 1945, стр. 63, Caro Baroja, ук. соч., стр. 696.

⁶⁹ Jensen, Die Schrift, стр. 282.

⁷⁰ См. Tovar, Supervivencias del silabismo minoico..., стр. 69 (со ссылкой на G. Bähr).

⁷¹ Шеворошкин, Исследования..., стр. 52.

⁷² М. Гомес-Морено указывал на их значение лишь предположительно, однако его же более поздние исследования подтвердили справедливость этих гипотез. См. Gómez-Moreno, De epigrafía española: el plomo de Alcoy, стр. 341—366. 6 знаков остаются до сих пор без каких-либо идентификаций.

⁷³ Gómez-Moreno, Sobre la escritura ibérica.

⁷⁴ Gómez-Moreno, La escritura bastulo-turdetana, стр. 949. Г. Йенсен в своей новейшей работе не использует данного исследования (см. Jensen, Die Schrift, стр. 283).

⁷⁵ Ноз, La primitiva escritura hispanica, стр. 193. Насколько нам известно, в настоящее время для системы тартессийского письма существует единый алфавит с учетом всех возможных отклонений локального характера. Отдельные локальные алфавиты в доступной нам литературе не встречаются.

⁷⁶ Хотя этот способ создания письменности в истории письма считается в настоящее время малораспространенным. См. Дьяконов, Языки древней Передней Азии, стр. 363.

Миной- ское	Эгейское	Тартессийское	Иберийское	Латин- ская тран- скри- пция	Фини- кийское
KA	VA A	AAA	DDDD	a	𐤀
7	7 7 7 7	7 7 7 7	EE E E	e	𐤁
23	2 3	4 4 4 4	MM	i	𐤂
HH	HHH	4 4 4 4	HHH	o	
↑↑	↑↑	↑↑↑↑	↑↑↑↑	u v	
1A	1A	1	1A	l	𐤃
PK	9 9 9	9 9 9	9 9 9 9	r	𐤄
PP	PP P	PP P	PP P P P	r	
VYU	VYU YU	3 3 3 3	VYU YU	m	𐤅
7	7 7 7 7	4 4 4 4	MM	n	𐤆
7 7 7	7 7 7 7	7 7 7 7 7 7	7 7 7 7	s	𐤇
M	M M	M M M	M M	s	𐤈
7 7 7	1 1 1	7 7 7	1	ba	
7 7	7 7 7	7 7 7	7 7 7 7 7 7	be	
9 9	9 9	7 7 7	9 9	bi	𐤉
7 7	7 7 7	7	7 7 7 7	bo	
O	O O	O O	O	bu	
X+	X+	X+	X	da, ba	𐤊
PP	PP	PP	PP PP	de, te	
7 7	VYU YU	7	7 7 7 7 7	di, ti	
7 7	7 7 7	7 7 7 7 7	7 7 7	do, to	
AA	AA	AA AA	AA AA	du, tu	𐤌
7 7	7 7	7 7	7 7	tu?	𐤍
7	7 7 7	7	AA AA	ga, ca	
ΣE	K K D I	7 7 7 7 7	7 7 7 7 7 7	ge, ce	𐤎
ΣE	7 7 7	7 7 7 7	7 7 7 7 7 7	gi	
7 7	7 7 7	7 7 7 7	7 7 7 7	go, co	
7 7	7 7	7 7 7	7 7 7	cil	
		7 7 7 7 7 7			

Рис. 3. Тартессийское и иберийское письмо и их восточноевропейские параллели в распоряжении археологическому материалу, тартессийское письмо возникло позднее финикийского.

В заключение нам хотелось бы остановиться на проблеме состава тартессийского алфавита. В настоящее время для многих систем письма, в частности для малоазийских и италийских, найдены таблички с алфавитами, которые позволяют судить о количестве знаков, их написании, значении и порядке расположения. Другие системы подобными табличками пока не обладают, однако в них порядок букв определяется на основе сопоставления с родственными системами письма⁷⁷. Для тартессийского

⁷⁷ Например, для финикийского письма порядок букв устанавливается на основе совпадения порядка букв в древних этрусских алфавитах (старейший из Марсельского до

письма искать подобные аналоги на современном этапе трудно, так как до сих пор остается не решенной проблема его происхождения. Поэтому в алфавите, принятом в испанской науке⁷⁸, знаки расположены по следующему принципу: вначале идут гласные в порядке латинского вокализма, за ними следуют согласные, сгруппированные по типу: плавные — назальные — сонорные; заключают алфавит знаки-спллабемы, начинающиеся с лабиальных, затем с дентальных и, наконец, с гуттуральных (рис. 3). Изучение графической формы тертессийского вокализма свидетельствует о том, что он полностью был заимствован из греческого. Причем форма знаков позволяет предположить, что такое заимствование имело место в весьма отдаленные времена, в период формирования греческого алфавита, что отмечалось выше.

Эта точка зрения общепринята в испанской науке, чего нельзя сказать в отношении консонантизма тартессийского алфавита, так как многие ученые Испании, признавая финикийское происхождение данного алфавита, исходят прежде всего из графического и звукового сходства ряда согласных. Так, М. Гомес-Морено видит подобные параллели для тартессийских *m*, *s*, а также для спллабем: *bi*, *ta*, *tu*, *ca*, *ke*, *cu*⁷⁹.

У. Шмоль, чьи исследования тартессийской письменности признаются в испанской историографии не менее серьезными, чем работа М. Гомес-Морено 1962 г.⁸⁰, настаивает на несомненном сходстве «южнолузитанской» (этот термин соответствует «тартессийской») и карийской письменности⁸¹.

И действительно, все семь согласных знаков тартессийского алфавита обнаруживают поразительное сходство с карийскими. Начальный согласный 12 и 15 спллабем аналогичен знакам карийского алфавита, означающим соответствующий звук (*bi*, *bo*, *da-ta*, *de-te*, *di-ti*, *do-to*, *du-tu*, *ga-ca*, *ge-ce*, *g*, *go-co*, *cu*). Это явное свидетельство несомненного сходства тартессийской и малоазийской систем письма. Кроме того, форма знаков тартессийского письма совпадает именно с малоазийской, так как она характеризуется большей завершенностью, чем в финикийском алфавите. Поэтому, если гипотеза о малоазийском происхождении тартессийского письма и отвергается подавляющим большинством ученых, то, на наш взгляд, следует признать серьезное влияние, которое оказали малоазийские греки на его формирование⁸². С еще большей убежденностью этот тезис можно было бы выдвинуть для иберийского письма. Однако этот вопрос, как и вообще проблемы, связанные с собственно иберийским письмом, заслуживает специального исследования.

В. И. Козловская

Албенья) с акростихами Ветхого Завета, которые сохраняли 22 буквы финикийского письма. В 40-х годах XX в. появились дополнительные источники: древнееврейский алфавит начала IX в. до н. э., обнаруженный в Лагеше в 1938 г., и открытая в 1948 г. в Угарите табличка с угаритским клинописным письмом, подтверждающие порядок букв финикийского алфавита (см. Истрин, Развитие письма, стр. 199—203).

⁷⁸ Н о z, *La primitiva escritura hispánica*, стр. 192.

⁷⁹ Там же, стр. 193.

⁸⁰ G ó m e z - M o r e n o, *La escritura bastulo-turdetana*, стр. 891.

⁸¹ U. S c h m o l l, *Die Südlusitanische Inschriften*, Wiesbaden, 1961, стр. 32. Эта точка зрения была отмечена впервые В. М. Флиндерсом Петри (см. W. M. F l i n d e r s P e t r i e, *The formation of alphabet*, L., 1912, стр. 2, 14; цит. по кн. Ш е в о р о ш к и н, Исследования..., стр. 41). В советской историографии это положение отмечается в кн.: Ш е в о р о ш к и н, Исследования..., стр. 26, прим. 30.

⁸² В этой связи следует упомянуть, что Г. Йенсен, не становясь на известные нам из испанской историографии точки зрения, отмечает, что М. Гомес-Морено и Х. Каро Бароха своим настойчивым желанием отнести тартессийское письмо к слоговым или буквенно-слоговым значительно осложняют разрешение данной проблемы. См. J e n s e n, *Die Schrift*, стр. 284.

THE EARLIEST IBERIAN WRITING AND ITS MEDITERRANEAN CONNECTION

by V. I. Kozlovskaya

The language and writing system of the earliest population of the Pyrenean peninsula is still a subject of dispute in spite of the more than two centuries passed in studying them. The trouble is that we do not know the language of the ancient Tartessians and Iberians, and the inscriptional remains are very fragmentary. E. Hübner, the first to collect the pre-Latin inscriptions of Spain, believed the earliest South Lusitanian or Tartessian script to be derived from the Phoenician alphabet. This theory delayed general recognition of the syllabic character of certain signs, which had been detected earlier by A. Delgado and J. de Zangróniz. Thanks to the many studies by M. Gómez-Moreno and his pupils A. Tovar, J. Maluquer de Motes and J. de Hoz, interpretation of the signs in the South Iberian script became possible, and the local inscriptions are now widely studied. The theory put forward by A. Schulten, that the South Iberian script came from Asia Minor, is no longer defended by anyone. The present state of our knowledge allows, in the author's opinion, no more definite conclusion than that the population of Tartessia, who used this script, was in communication with the island peoples of the Aegean basin in the epoch preceding the Phoenician colonisation, but not that the script was borrowed from them. The area where most of the inscriptions were found does not coincide with the region directly affected by Phoenician colonisation. This suggests that the script was developed by the local population in the course of their own social evolution (a view held by the Spanish historian J. Caro Baroja). The script served the needs of a growing state apparatus, and the fact that a script was created confirms the high degree of social, economic and cultural development in Tartessia which is attested by the literary tradition of antiquity.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ELISABETH RIEFSTAHL, *Ancient Egyptian Glass and Glazes in the Brooklyn Museum*, Brooklyn, 1968, 93 черно-белых иллюстраций, XIII цветных таблиц

Из предисловия хранителя Бруклинского музея Б. Ботмера и директора музея Т. Бюхнера явствует, что эта хорошо изданная книга — первая в серии задуманных музеем монографий, посвященной различным большим явлениям в мировом изобразительном искусстве древности, представленным в Бруклинском музее. Исследование Е. Рифсталь издано в честь Ч. Э. Вильбура, пожертвовавшего свою коллекцию египетских древностей и свою библиотеку Бруклинскому музею.

Автор настоящей монографии — Е. Рифсталь — начала свою работу в отделе древностей Бруклинского музея в 1937 г., а в 1948 г. издала первую брошюру «Glazes from Ancient Egypt», посвященную той же теме, которая и была расширена до размеров рецензируемой монографии.

Вводная глава посвящена общим сведениям о стекле в древнем Египте, а все более специальные вопросы рассматриваются в расширенном комментарии к каждому из описываемых в работе памятников.

Библиография, приводимая автором, доведена до настоящего дня. Из упомянутых здесь работ отметим в особенности два исследования, принадлежащие недавно умершим крупным ученым, — В. С. Смит и Дж. Куни¹. Из предшествующих же исследований следует назвать капитальную работу А. Лукаса, ставшую уже классическим трудом по изучению художественных ремесел древности Египта,

в частности и стекла. Мы особо отмечаем эту работу, поскольку Е. Рифсталь в значительной мере на нее опирается в изучении памятников Бруклинского музея².

Русскую дореволюционную и в особенности советскую науку древнеегипетское стекло интересовало уже давно. Этому разделу художественного ремесла всегда отводилось и продолжает отводиться особое место в развитии всеобщей истории искусства. Из специальных работ напомним раннее исследование Н. Д. Флитнер, хотя и посвященное стеклу и глазурованным изделиям эпохи Амарны, тем не менее с большой глубиной разбирающее тот же материал всего древнеегипетского искусства в целом³. Позднее стеклу и стекловидным изделиям (так называемому древнеегипетскому фаянсу) была посвящена и наша работа, основанная на памятниках Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина⁴.

Е. Рифсталь была безусловно права, назвав свою книгу «Древнеегипетское стекло и стекловидные изделия Бруклинского музея». Дело в том, что уже давно, как и в названных здесь работах, так и в ряде других исследований, в особен-

² A. Lucas, *Ancient Egyptian Materials and Industries*, L., 1948. Советское издание — А. Лукас, *Материалы и ремесленные производства древнего Египта*. Пер. с англ. Б. И. Савченко, под общей ред. и с вступит. статьей В. И. Авдиева, М., 1958.

³ Н. Д. Флитнер, *Стекло и керамические мастерские Тель-Амарны* «Ежегодник Российского Института истории искусств», т. I, вып. 2, Пг. — М., 1922, стр. 137—167.

⁴ В. В. Павлов и С. И. Хаджаш, *Художественное ремесло древнего Египта*, М., 1959, стр. 144—184.

¹ W. S. Smith, *Interconnections in the Ancient Near East*, New Haven — London, 1965. В особенности глава III «The Part Played by the Manufacture of Glazed Faience», стр. 38—50; J. D. Cooney, *Glass Sculpture in Ancient Egypt*, «Journal of Glass Studies», 2, 1960, стр. 10—43.